

Алексей Малашенко

Разговор со временем

Время, я устал от тебя. Мы никогда не договоримся. Ты хочешь командовать мной, а я — тобой. Ни то, ни другое не получится.

Определений времени великое множество. В словаре В.И.Даля сказано, что время — суть «длительность бытия», «пространство в бытии». В Большой Энциклопедии под редакцией С.Н.Южакова и П.Н.Милюкова оно преподносится загадочно и даже немного унижительно: «Въ искусствѣ (время) символически изображается въ видѣ хилаго, изсохшаго, сѣдого старика съ крыльями и косою въ рукахъ». (т. 5, Санкт-Петербург, 1901 г.)

Веселый, легкий человек не станет размышлять над смыслом времени, тем более давать ему строгие философские дефиниции. Время просто обитает в нашем сознании. А сознание где? В тебе. А ты где? В своей стране, в своей цивилизации, на своей планете. А планета где? В общем, пощекотал себе нервы, словно на звездное небо поглядел, а потом плюнул и лег спать. Утро вечера мудренее. Кстати, и утро — время, и вечер — время. Так и ходим по кругу. Топчем время.

Получается, что оно существо беззащитное. Люди лепят на него любые бирки — смутное, великое, историческое, счастливое, трагическое, тяжелое, славное, время Наполеона, Пушкина, дореволюционное, предвоенное, послевоенное. Обращаются с ним, как с вещью. Тратят, останавливают, убивают, сберегают, отстают от него, идут с ним в ногу, обгоняют...

Каждая цивилизация, каждая нация претендует на наличие собственного, особого времени. Можно рискнуть и выдвинуть термин «национальное время». Многие сочтут его искусственным, надуманным. Но оно, это «национальное время», существует. Одни им восторгаются, другие ненавидят. И вырваться, покинуть его невозможно. Очень многие, уезжая из страны, продолжают жить в своем «национальном времени».

И это при том, что свое время есть еще и у отдельно взятого индивида, который отсчитывает его от своего рождения. «Есть только миг между прошлым и будущим...» — пелось в фильме «Земля Санникова» (песня подверглась глубочайшему остракизму эстетствующих интеллектуалов, но все равно никто лучше не спел). Это все с одной стороны.

Не по-исламски пьющий, любвеобильный, но и злой поэт Омар Хайям — он хоть и любил человека, но был к нему беспощаден — написал:

В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть,
Одна лишь мысль о нем стесняет мукой грудь...¹

Хайям имел в виду, что страшно знать (или не знать?), когда ты умрешь.

Малашенко Алексей Всеволодович — российский востоковед, исламовед, политолог. Доктор исторических наук, профессор. Один из ведущих российских специалистов по проблемам ислама. Постоянный автор «ДН».

¹ Перевод О.Румера.

У времени нет чувства жадности. Проходя сквозь нас или мимо нас, оно раздаривает (разбрасывает) нам кусочки своего материального тела — и те, от которых оно хочет избавиться: войны, наводнения, эпидемии, и те, которыми, наоборот, хвастается: открытия, памятники, музыка, рукописи; одаривает своими любимыми куклами — великими историческими персонами.

Обозначены годы полезных и вредных событий, даты рождения и смерти их участников. С участниками все понятно. Как грустно заметил голосом артиста Тихонова школьный учитель в фильме «Доживём до понедельника», «от большинства из нас остаются только две даты». А вот границы событий чертовски размыты, точные их даты слишком условны, если таковые вообще существуют. Это потому, что события бесконечны и своими последствиями перетекают одно в другое: Первая мировая во Вторую, Вторая — в холодную. Где кончается Великая французская революция, Великая Октябрьская? Как вообще все расставить по «своим местам»?

Продолжаем.

Все мы потомки, обязательно переходящие в статус предков. И то, и другое вызывает противоречивые чувства. Знал людей, которые завидовали прошлому. Не тому, которое с клопами, выгребными ямами, крестьянскими бунтами, а тому, которое с каретами, неиспорченным воздухом, толстыми, уютными свечами, обаятельными помещичьими балами вроде того, что показан в «Гусарской балладе». Сплошное очарование. Все почему-то видят себя сплошь «боярами да дворянами». Купцами первой гильдии в крайнем случае.

Прошлое сплошь завалено великими открытиями — круглостью Земли, электричеством, паровозом, самолетом, телефоном и т.д. и т.п.

Когда Земля завращалась вокруг Солнца, люди обалдели. Галилей, наверно, и сам испугался, когда понял, до чего додумался. Академик Сахаров сообразил, к чему приведут его водородные штудии.

Самое страшное изобретение — бессмертие. Оно же — безвременье. Представьте себе, что через полвека (а вдруг через полчаса?) в вашем присутствии изготовят вашу копию, второе издание конкретного божественного творения, которая пьет и ест, как вы. Бог вылепил Адама по своему образу и подобию. Но даже Адаму был отведен ограниченный срок. А вдруг окажется возможной вечная жизнь? Это нужно? Пусть мечтающие о собственной вечности поднимут правую руку. В первый миг руку поднимет большинство. Во второй — половина, в третий, по здравом размышлении — ничтожное меньшинство.

Вообразите, что вы, простой, но разумный античный грек, ветеран Троянской войны, доживаете до компьютера, а на Олимпе, где положено жить богу Зевсу и всей его божеской компании, стоит какая-то фигня — хотя бы телебашня. Тут-то древний грек, то есть вы, и проклянет собственную вечность, бесконечность своего времени. Вечное время обернулось безвременьем. Вот и получается, что обязательная смерть куда лучше, чем вечная жизнь. Так как-то спокойнее.

А еще время очень скользкое. Человек по нему проскальзывает. И опять Хайям:

Смерти я не боюсь, на судьбу не ропщу,
Утешенья в надежде на рай не ишу,
Душу вечную, данную мне ненадолго,
Я без жалоб в положенный час возвращу!

Задумывался ли поэт, каким может оказаться этот «положенный час»?

¹ Перевод Г.Плисецкого.

На вопрос «где ты живешь?» всякий ответит. На вопрос «когда ты живешь?» ответить непросто. Календари здесь не помогут.

Люди научились делить время на части — эпохи, века, годы, месяцы, недели, дни, часы, минуты, секунды. Изобретали календари. В Египте — египетские, в Риме — римские, в Индии — индийские, в Японии — японские, евреи изобрели — еврейский. Начало времени у всех было свое. В Египте каждое новое время начиналось с нового фараона, в Японии — с нового императора, в Римской империи его отсчитывали от основания Рима.

Свой вклад внесла Французская революция, спецкомиссия которой в 1793 г. придумала Революционный республиканский календарь, назначив начало «новой эры» на 1792 год. Переименовали даже месяцы и дни. Месяцам дали новые имена — фрюктидор, прериаль, брюмер, термидор... названия которых сегодня никому ничего не говорят. (Впрочем, нет — осталось слово «термидор», ставшее метафорой отката революции.) В 1806 году император Наполеон ревалендарь отменил. В 1871 г. его воссоздала Парижская коммуна, однако продержался он всего три месяца — с марта по июнь.

На календарях всегда лежал отпечаток политизированности, конъюнктурности. Само время — неизбежный участник политической жизни. Оно буквально лезет в политику. И как же стыдно за него. А заодно и за нас, которые это терпят.

К счастью, несмотря на произвольно избиравшееся человеком начало календарей, их естественное, так сказать, природное содержание определялось иными, космическими составителями — Солнцем, Луной, скоростью вращения планеты. Отсюда и их наименования — солнечный, лунный, лунно-солнечный. (В изобретенном евреями «лунно-солнечном календаре» время стартует от сотворения мира. Первый год н.э. соответствует 3760 г. от сотворения мира. А вот отсчет дней внутри года производится по Солнцу, а месяцев — по Луне.)

Образ жизни человека изначально зависел от того, каким боком греется на солнце Земля. От посевной до урожая. И никакой фараон и император вмешаться не могли. Впрочем, однажды влезть не в свое дело пробовали большевики-коммунисты, приказав крестьянам сеять и собирать урожай, не считаясь с погодой. В соответствии с их социалистическими планами народного хозяйства они назначали срок наступления весны и осени. В некоторых советских фильмах это хорошо показано. А Евгений Евтушенко в «Братской ГЭС» так описал ситуацию:

Хряки с голоду выли, как волки,
Ну, а в трубку горланили: «План!»

Большевики спор с природой проиграли, а заодно разрушили сельское хозяйство.

Календарный разнобой длился долго. Он и сейчас сохраняется, но частные этнокультурные численники смотрятся экзотикой.

Основой единообразия календаря стало утвердившееся единообразие Бога. Монотеизм изобрели иудеи, но этот, только их монотеизм, был «частным случаем». Постепенно, в силу целого ряда причин (о которых говорить не будем), монотеизм стал распространяться, подчиняя себе всё большую часть человечества. Наступала интернационализация, если не «глобализация», Всевышнего. Разумеется, с учетом его разных ипостасей в разных монотеизмах.

Один-единственный Бог обрушивал все, во что прежде верили. У неглупого, склонного к рефлексии язычника отняли привычных, понятных, похожих на него самого богов. Указали, что есть только один Бог, который не ест, не пьет, не трахает хорошеньких богинь, живет не по-человечески. Да и как он выглядит, на что похож? Мало того, он — Отец, он — Сын, да еще и Дух святой. Богоматерь еще можно объяснить по аналогии — у прежних богов тоже были мамы. Но Троица... Понять трудно, но поверить пришлось.

Если Бог один, то и время тоже одно. Значит, календарь тоже только один.

Однако создать такой календарь за один день, год, даже век непросто. С какого года, с какого дня вести счет? Проще всего — от рождения Христа. Но и здесь возникало немало религиозных, да и, как всегда, политических сложностей. Христиане, однако, дерзнули.

Усердием монахов — Дионисия Малого и Беда Достопочтенного (его называют «хронологистом») — в VIII веке христианский календарь был выструган. И превратился в мировой. Время, правильнее сказать летосчисление, стало более внятным. В России, как всегда, запоздали и перешли на новый график только с наступлением XVIII века, скакнув из 7208 года от сотворения мира в 1700-й от рождения Христа. Такое сугубо политическое решение принял царь Пётр, который рвался в Европу и был первым отечественным глобалистом, да простят за эту мысль меня и Медного Всадника нынешние российские стратеги — профессиональные ненавистники Запада.

Про разницу между отечественным, юлианским, и глобализационно-григорианским календарями умолчу. Отставание первого от последнего на 13 дней было устранено только большевиками, жаждавшими приобщить Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которую они сами честно называли переворотом, к мировой истории. Такой переход был редким здравым поступком советской власти.

Что-то часто я обращаюсь к словам «глобализация», «глобализационный». Посему позвольте объясниться.

«Глобализация» зародилась не сегодня в Госдепе США, а задолго до амбициозной Вашингтонской администрации. Главной, как потом стало принято говорить, стратегической целью всех предыдущих глобализаций было устранить различия между племенами, общинами, государствами, навязать всем им единые нормы поведения, в том числе политического, при беспрекословном лидерстве чего-то «самого передового», а главное, самого сильного, будь то народ, государство, культура или — бери выше — цивилизация.

Глобализацию зачинали еще фараоны, ассирийские цари, и далее, каждый на свой манер, продолжали античные греки, римляне и прочая, прочая. Глобализация становилась христианской, исламской, ибо всякий монотеизм (в том числе светский коммунистический), доказывая свое превосходство над иными культурами, мировоззрениями, а заодно и общественным и политическим устройством, навязывал собственное видение мира. Остальное человечество должно было с ним согласиться и ему подчиниться. И это было не более чем вопросом времени.

Глобалистами были еще и Маркс с Энгельсом, полагавшие, что рано или поздно весь мир придет к коммунистическому единообразию под руководством мирового пролетариата. Позже коммунистическая глобализация была замечена в «перманентной революции» Троцкого — термин, который Ленин не любил, однако сам, в свою очередь, придумал понятие «непрерывная революция». Что в лоб, что по лбу.

Все глобализации в чем-то схожи. У каждой из них был инициатор, считавший себя самым умным. В Манифесте Коммунистической партии предупреждалось: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Спустя сотню лет в Программе Коммунистической партии Советского Союза утверждалась «неизбежность перехода (мирового. — А.М.) общества к коммунизму». Хорошо, что кроме Корейской Народно-Демократической Республики никто до него так и не добрался.

Так что нынешняя глобализация есть не более чем модификация всех предыдущих. Это не открытие Америки, хотя последняя и претендует на эвристичность самой идеи.

Глобализация как феномен бесконечна. Таким же бесконечным будет и сопротивление ей — национальных государств, культур, цивилизаций, которые станут отстаивать свою идентичность, хотя и жить по общему календарю (в его григорианской версии).

С принятием общего календаря начинает формироваться нечто вроде исторического времени.

В советской литературе его изначальная граница передавалась аббревиатурой «до н.э.» — «до нашей эры». Что это за эра такая и почему она «наша», я задумывался еще в школе. Понятно, что начиналась она с года номер «ноль». Но вот почему отсчет от нуля уходит не только вперед, но и назад, в обратную сторону, так сказать, в годы со знаком минус? Учительница истории Валерия Ивановна потратила на объяснение, как правильно считать историю, целый урок. Говорила она убедительно. Но все равно душа восставала против того, чтобы считать «время назад». Ведь получалось, что битва при Гавгамелах, где македонские фаланги разгромили персов, состоялась в минус 311 году, а красотка Нефертити жила с минус 1370-го по минус 1330 год. Или: есть просто 1917 год, а был 1917 г. до н.э. Вот интересно, что произошло при тех же цифрах, но с обратным знаком?

Почитывая иностранные книжки, я обратил внимание, что там, где в советских изданиях стояло «до н. э.», в иностранных писалось «В.С.». Вскоре узнал, что две эти загадочные буквы означают «before Christ», и переводится это: «до Христа». Там же, где в советской науке значилось «н. э.» — «нашей эры», за границей ставили «A.D.» — Anno Domini, то есть, год от рождения Христа.

Так я уразумел, что живу — а заодно со мной весь остальной мир — по христианскому летосчислению. И был неправ.

В 622 г. н. э. на христианскую монополию измерения времени посягнули мусульмане. В том году пророк ислама Мухаммад перебрался на верблюде из Мекки в Медину, где основал первое исламское государство. В результате появился второй «глобальный календарь» — мусульманский. Согласно этому календарю, отсчет исторического времени ведется от хиджры, так в арабском языке называется переезд пророка: то есть, с первого числа месяца мухаррама, соответствующего христианскому шестнадцатому июля. Если наложить мусульманский календарь на христианский, то получится: 2020 год приходится на 1441—1442 годы хиджры. Кстати, мусульманский (лунный) календарь тоже, как и христианский, хоть и недолго, всего несколько лет, «утрясали», пока в 637 г. н. э. второй праведный халиф, Умар, не распорядился считать время именно с этого дня.

В общем, заново пересчитывать время люди научились. И не исключено, что когда-нибудь придется делать это еще раз. Не приведи господь, но представьте себе, что все разом умерли от коронавируса (в 2020 году предполагать это стало модным), или вообразите долгожданный для научных фантастов и предсказателей конца света приезд на Землю инопланетян с последующим ее (и нас с ней заодно) переформатированием. Тогда появится совершенно новый календарь, который эти космические муджахиды нам и назначат.

В связи с пресловутыми «инопланетянами» как не задуматься о космосе, а следовательно, о пространстве. Пространство хоть и бесконечно, но все же понятнее времени: вон там, за этим домом — другой, за той улицей — другая, за тем Солнцем — еще одно, а за той галактикой — следующая. В общем, по бесконечному пространству можно хоть как-то передвигаться. Оно *географично*. Его можно осваивать, с ним *можно что-то делать* — в отличие от времени. Наконец, как указано представителями точных наук, о времени «не существует отдельной науки... — такой, как, например, наука о пространстве — геометрия»¹.

А что время? Корреляцию между временем и пространством никто не оспаривает, но покажите мне их взаимодействие. Почитав Эйнштейна, можно кое-чего сообразить.

¹ Чернин А.Д. «Физика времени», библиотечка «Квант», выпуск 59, изд. «Наука», Москва, 1987. С. 3.

Но ощутить, прочувствовать... По пространству мы ходим. Как душевно спел в 1960-е Владимир Трошин, изображая космонавта на Красной площади, «на пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы...»

Условные инопланетяне прилетят (как и люди из трошинской песни) из пространства, а не из времени. Впрочем, что из того, что из другого — лучше бы им вообще не прилетать и не трогать наше время, не распоряжаться им.

Командовать временем всегда рвалось начальство. И чем оно выше, тем нахальнее действует: оно придумывает время, сочиняет ему названия по собственному усмотрению и даже навязывает его.

На примере отечества это особенно ярко проявляется. Начальство поступает по-разному. Большевики изобрели время советское. И велели всем в нем жить счастливо.

Истинное же время, в котором люди прозябали, — завешивали «занавеской»: лозунгами, плакатами, фильмами, — попутно признавая временные трудности, которые в конечном счете и привели к краху советской экономики, а заодно и Советского Союза.

Временность трудностей подразумевала обязательность прихода уже не просто счастливого, а бесконечно счастливого времени — коммунистического. Коммунизм был признан неизбежным и предназначенным вечности. До его наступления надо было просто потерпеть. И все. Но, как сказал персидский мудрец Бузурджмихр, «какой прекрасной вещью было бы терпение, не будь жизнь так коротка». Распоряжаться будущим временем рискованно. Но зато и удобно, потому как безответственно. Пойди-ка, доживи до коммунизма.

Удобно распоряжаться временем прошлым — поди докажи, что там на самом деле происходило. Сегодня в российской официальной пропаганде это называется быть верным «исторической правде».

При СССР прошлое время (до 1917 г.), не считая Куликовской, Полтавской и Бородинской битв, было плохим — там царили царизм, феодализм-капитализм, гнет, бесправие, и случилось кровавое воскресенье.

Теперь все посложнее. Текущее время не слишком радостное, о будущем времени помолчим — в газетах пишут, что «минфин подготовил экономику к 10-летнему голоданию» («Независимая газета» от 10 марта 2020 г.).

Где искать выход? В прошлом времени. В памяти. А какая самая главная, самая удобная память? О войне, о Великой Отечественной войне. О чем еще? О космосе, о балете. В 1964-м незабвенный Юрий Визбор сочинил песенку, оставшуюся актуальной по сей день:

Зато мы делаем ракеты,
Перекрываем Енисей,
А также в области балета
Мы впереди планеты всей.

Визборовская песня звучит ныне особенно печально, когда сидишь на 11-м месте в мире по экономике, да еще на этой, как ее там, — нефтяной игле, и вряд ли когда с нее слезешь. «Зато мы делаем ракеты...»

Историческая правда в нашем царстве-государстве очень подвижна. Она есть то, что велено помнить на данный момент: при Сталине была одна историческая память, при Хрущёве — другая, при Брежневе — третья. В 1990-е выяснилось, что прежняя официальная историческая правда была большим враньем. Про нее замолчали.

Потом все вернулось на круги своя. Историк Геннадий Бордюгов в своей книге с многозначительным названием «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти» пишет: «Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое... можно назвать *проектом памяти*». И далее: «Проект памяти расчленяет

прошлое на две части — актуализируемую (то есть, «освещаемую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно)¹. Вот и весь фокус.

Сегодня память военизирована. Общество переселяют в военное время. Для власти «военизация» — инструмент самосохранения. Думайте, люди, о войне, а не о собственных нерешаемых проблемах. «Правильную» историческую правду мы вам сами расскажем. А то, понимаешь, болтают тут всякое про риббентропов с молотовыми, о переделах границ между Гитлером и Сталиным... Не было этого. «Наши» всегда были и остались хорошими, честными, а «ихние» — подлыми и лживыми (известная коннотация: у нас «разведчики», у них — шпионы).

О глупости и бездарности старого начальства лучше не распространяться, потому как время от времени раздаются речи о том, что Россия — преемница СССР. Парадокс в том, что и особо хвалить бывших вождей, говорить об их величии тоже не с руки. У средневекового мыслителя-юмориста Абу аль-Фараджа есть такая притча. Один правитель сказал: «Не превозноси тех, кто правил до нас, а то наши воины станут презирать нас».

Великая Отечественная превращается в красивую сказку о прошлом. Людей, в первую очередь молодежь, затачивают в прошедшее, не известное и не понятное им время. Как долго будут продолжаться военные киноэпопеи, бессмертные полки, надписи на сделанном в Германии мерседесе «На Берлин!», а теперь еще и «письма прадедам»?

Позже идея расширилась, пропаганда предлагает уже всем писать письма предкам. Куда писать — на тот свет? Это какая-то мистика. Нет у нашей пропаганды чувства меры. Да и не было ее никогда.

Чем дальше от большой войны, тем меньше родившиеся после нее представляют, какой она была. Увы, после Советского Союза для очень многих — сотен тысяч людей на Кавказе, в Таджикистане, Молдавии, на Донбассе — война не стала прошлым, а оказалась настоящим временем.

Представить войну, не побывав на ней, хотя бы не взглянув на нее одним глазком, нельзя.

...Первый раз я попал в Грозный после того как его уже разбомбили. Мы катились в заляпанном грязью микроавтобусе по городу и молчали. По обеим сторонам улиц стояли покалеченные многоэтажки. Из окна на девятом этаже свешивался телевизор. На чем он висел, понять было невозможно. Тот телевизор, который так и не свалился, смотрелся театральной декорацией. В глубине, за домами, торчала разбитая кирпичная труба. По законам физики она должна была упасть.

Наверное, Грозный походил на Сталинград сорок второго, который я видел только по телевизору. А это грозненское кино показывали «вживую», и шло оно в двух часах лета от Тверской улицы... На несколько дней я оказался в другом времени. Это было «параллельное время», из которого люди уезжали, но в которое и возвращались.

Затеял я однажды перебирать документы бабушек-дедушек и родителей: размером чуть больше обувной коробки с удостоверениями, членскими билетами, почетными грамотами, дипломами, конечно. Заодно нашел и свои почти такие же книжечки.

Первая — когда в 1958 году в первом классе меня приняли в ДОСОМ — Добровольное общество содействия озеленению чего-то. В свои семь лет я был счастлив, потому что первый раз в жизни ощутил приобщенность к государству. С гордостью показал членский билет папе. Папа меня поздравил.

Молодежи не понять. Но наше поколение не забыло, что значило вступление в ДОСОМ и чуть позже — в октябрята и далее в пионеры. Это было взрослением.

¹ Геннадий Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа: Культ юбилеев в пространстве памяти. — М., 2010. С. 10.

Вступление в комсомол было уже иным — неизбежно-обязательным для дальнейшей успешной жизни. Мне вручали комсомольский значок в 1967 г. возле памятника Карлу Марксу, который тогда в определенной, причем отнюдь не диссидентской, среде назывался «попугаем». Среди той же шаловливой публики монумент Фридриху Энгельсу возле метро «Кропоткинская» именовался «дубиной». Он и впрямь напоминал поставленную «на попа» железнодорожную шпалу. Обидно за классиков марксизма. Кстати, кто теперь объяснит, что такое «классики марксизма»?

После вручения комсомольского значка ко мне подвалила, именно подвалила, девочка-корреспондентка в плаще и поинтересовалась моими планами на будущее. Я промямлил, что хочу в МГИМО, и барышня растворилась — мгимовские амбиции новоиспеченного комсомольца в тот момент выглядели неуместными.

Отец, вернувшись с работы из Главного управления театров Министерства культуры СССР, за обедом попытался меня поздравить с важным событием в жизни. Однако искренности на его лице было меньше, чем когда он поздравлял меня со вступлением в ДОСОМ. Я неуважительно отмахнулся от поздравления. Что в компартию, что в комсомол тогда уже вступали «потому, что так надо». О вере в идеалы речи не шло. Также «по делу» я стал — кажется, в 1981 году — членом КПСС.

Разных цветов — красненькие, черненькие, зелененькие, серенькие — книжечки, наше своеобразное наследие, наследство, непонятное и не нужное даже нашим детям, не говоря уже о внуках и правнуках.

Есть еще фотографические карточки — офицеров, дам, священников из прошлого и даже позапрошлого века, хранить которые в советскую старину было немного рискованно. Большинство лиц мне незнакомо. Несколько узнаваемых родственников, но дальше одного прадедушки и одной прабабушки поименно помнить некого.

У большинства из нас есть дыра во времени, которую, похоже, не заколотить. Хотя дыру эту прикрыть пытались — книжками, фильмами, песнями и речами. Реальное прошлое время сохраняется в случайно уцелевших вещах — абажурах, пишущих машинках, калошах, полурасколотых статуэтках, счётах с костяшками, в часах и часиках (теперь не все способны определить время по стрелкам), в том «антиквариате», который обычно выбрасывают за ненадобностью. Вот фанерные шифоньеры не дожили — в 50-е и 60-е их вынесли на помойку. Пусть прозвучит выпренно, но нам свойственно выбрасывать на помойку прошлое.

Писатель Дмитрий Быков, рассуждая о другом писателе, Валентине Катаеве, написал, что «его (Катаева) темой было время, а время исчезло. В том смысле, что оно перестало быть темой». «Об этом еще Пелевин написал — что советская вечность кончилась; но вот в чем штука — кончилась не только советская. Единое время кончилось, и это то время, в котором мы живем, — оно недействительно, оно у каждого свое, оно бессмысленно... сегодня невозможно написать роман о современности. Есть личное время, есть время нескольких социальных групп, но общего — нет, как и общих ценностей не существует»¹. Сложная, требующая внимательного прочтения мысль. Можно и поспорить. Но ее шемая эмоция все равно заставит согласиться.

В 1970-м или каком-то другом году я думал, каким старым буду в 2000-м, когда мне будет 49 лет. Еще раньше, в 1967-м, в год пятидесятилетия советской власти, было жутко любопытно: как отпразднуем? Вот и отпраздновали.

В России о будущем думается все неохотнее. Есть аналитики, уверенные, что страна будет обвалена. Если так, то сколько осталось до этого часа?

Я начал с того, что время мне надоело. Потом понял, что я ему тоже надоел, наскучил. Андрей Вознесенский написал про человека — «он без времени ничто». А время без него? Сосуществовать со временем становится все труднее. Уходить надо вовремя.

¹ «Валентин Катаев». Портретная галерея Дмитрия Быкова. — «Дилетант», январь 2020 г.